

Шуаны, или Бретань в 1799 году

Автор:

Оноре Бальзак

Шуаны, или Бретань в 1799 году

Оноре де Бальзак

Действие «Шуанов» происходит в конце 1799 года. То были последние месяцы правления так называемой Директории и первые недели Консульства, возглавлявшегося Наполеоном Бонапартом. Власть в стране находилась в это время в руках крупной буржуазии, которая воспользовалась в своих интересах победой буржуазной революции во Франции.

В основе романа лежит один из эпизодов борьбы республиканских войск с шуанами, во главе которых стояли дворяне-роялисты и католические священники. Восстание шуанов 1799 года в западных провинциях страны – Бретани и Вандее – было последней серьезной вспышкой роялистского мятежа, который охватил в 1793 году всю северо-западную Францию. Мятеж этот вдохновлялся из-за рубежа – из Англии, снабжавшей восставших оружием и деньгами.

Оноре де Бальзак

Шуаны, или Бретань в 1799 году

Господину Теодору Даблену, негоцианту. Первому другу – первое произведение.

Де Бальзак

Часть первая

Засада

В один из первых дней VIII года, в начале вандемьера[1 - «В один из первых дней VIII года, в начале вандемьера...» - Вандемьер - «месяц сбора винограда» - первый месяц французского революционного календаря. Первым днем нового летосчисления считалось 22 сентября 1792 г., день провозглашения Первой Французской республики. По этому календарю год делился на 12 месяцев, в каждом месяце было 30 дней, что составляло 360 дней; оставшиеся вне месяца дни назывались «дополнительные дни» такого-то года. Вторым месяцем был упоминаемый в тексте романа брюмер («месяц туманов»). Названный там мессидор («месяц жатвы») был десятым месяцем нового календаря. В 1806 г. республиканский календарь был упразднен.], или, по обычному календарю, в конце сентября 1799 года, человек сто крестьян и довольно большое число горожан шли утром из Фужера в Майенну и уже поднимались на гору Пелерину, на полпути от Фужера до Эрне, маленького городка, где путешественники обычно останавливаются на отдых. Этот отряд, разделенный на группы, не одинаковые по своей численности, представлял собою соединение столь странных костюмов и столь необычное сборище людей разных профессий и уроженцев разных местностей, что нелишним будет привести их отличительные черты, дабы придать нашему повествованию те яркие краски, которые теперь так ценят, хотя, по мнению иных критиков, они мешают изображению чувств.

Крестьяне в большинстве своем шли босиком, одетые только в длинный козий мех, прикрывавший их от шеи до колен, да в штаны из очень грубого белого холста, - толстая и неровная его пряжа изобличала слабое развитие промыслов в этом крае. Длинные космы прямых волос так естественно переплетались с шерстью и так плотно закрывали лица, склоненные к земле, что легко можно было счесть козий мех, облакавший эти жалкие существа, за их собственный и принять их за тех животных, чьи шкуры служили им одеждой. Однако, присмотревшись, вы увидели бы, как сквозь волосы блестят глаза, словно капли росы в густой листве, но взгляд этих глаз, хотя в них и отражался человеческий разум, несомненно, скорее отпугивал, чем привлекал. На голове у каждого была грязная шапка из красной шерсти, похожая на фригийский колпак, который Республика в ту пору избрала эмблемой свободы. Каждый нес на плече крепкую дубовую палку, и на конце этой суковатой дубинки висел длинный, но тощий холщовый мешок.

У некоторых поверх колпака была надета грубая войлочная шляпа с широкими полями, украшенная чем-то вроде синели – пестрым шерстяным шнурком, обвивавшим тулью; вся одежда была у них сшита из такого же холста, как штаны и мешки их спутников, и в ней едва были заметны признаки современной цивилизации. Длинные их волосы ниспадали на воротник куртки с круглыми лапами, доходившими до бедер, и с боковыми квадратными кармашками, – одежда, весьма обычная у крестьян Западной Франции. Под курткой, открытой на груди, виднелся холщовый жилет с большими пуговицами. Одни из этих крестьян были обуты в деревянные сабо, другие бережно несли в руках кожаные башмаки. Их одежда, заношенная, грязная, потемневшая от пота и пыли и менее своеобразная, нежели описанная нами выше, имела свою историческую ценность, являясь как бы переходной ступенью к почти нарядному одеянию нескольких человек, рассеянных в толпе и блиставших в ней подобно цветам. В самом деле, их синие холщовые шаровары, красные или желтые жилеты, украшенные двумя параллельными рядами медных пуговиц и похожие на квадратные латы, выступали среди белых и меховых одежд яркими пятнами, как васильки и маки в поле пшеницы. У иных на ногах были сабо, которые бретонские крестьяне сами превосходно умеют делать, но у большинства – очень грубые башмаки с железными подковками, а платье, сшитое из толстого сукна, весьма напоминало старинные французские кафтаны, ибо и до наших дней крестьяне все еще свято хранят этот покров. Воротник рубашки застегивался серебряной запонкой, изображавшей сердце или якорь. Котомки были у них набиты плотнее, чем у других, а многие добавили к своему дорожному снаряжению флягу, несомненно с водкой, и держали ее на бечевке, надетой через голову.

Несколько горожан выделялись среди этих полудикарей приметам самой последней местной моды: они носили круглые шляпы, треуголки или фуражки, сапоги с отворотами или башмаками и гетры, но так же, как и у крестьян, в их костюмах не было однообразия. Человек десять были одеты в короткие куртки, известные при Республике под именем карманьолы. Другие, судя по всему богатые ремесленники, с головы до ног облеклись в одноцветное сукно. Самые щеголеватые отличались более или менее потертыми фраками или сюртуками из синего или зеленого сукна; эти горожане, несомненно именитые особы, были обуты в сапоги различных фасонов и шли, бодро помахивая толстой тростью, как люди, примирившиеся со своей участью. Тщательно напудренные головы и довольно искусно заплетенные косицы свидетельствовали даже о некоторой изысканности, какую прививают начатки богатства или воспитания. Всех этих людей, казалось, удивленных тем, что их как бы случайно собрали из разных

мест, можно было счесть за толпу удрученных погорельцев, изгнанных пожаром из родных гнезд. Но время и место такого сборища придавали ему совсем иное значение. Отряд почти целиком состоял из людей, которые четыре года тому назад воевали против Республики, и наблюдатель, посвященный в тайны гражданских распрей, волновавших в те годы Францию, легко распознал бы тут немногих граждан, на чью верность страна могла рассчитывать. Одна довольно резкая черта не оставляла никакого сомнения в том, что этих соединенных вместе людей разделяла разница в убеждениях. Только республиканцы шли весело. Остальные, хотя и заметно отличались друг от друга одеждой, все же сохраняли нечто общее в выражении лица, в позах и в движениях, равно отмеченных несчастьем: и на горожанах, и на крестьянах лежал отпечаток глубокого уныния. В их молчании была угрюмая скорбь; казалось, они сгибались под бременем одной и той же мысли, вероятно, зловещей, но тщательно сокрытой, ибо лица их были непроницаемы, и только необычная медлительность шагов могла выдать какие-то тайные замыслы этих людей. У некоторых из них висели на груди четки, несмотря на опасность выставлять напоказ символы религии, скорее отмененной, чем уничтоженной; время от времени они встряхивали волосами, осторожно поднимали голову, украдкой разглядывали лес, тропинки, скалы, обступившие дорогу, и всем своим видом напоминали тогда охотничью собаку, которая держит нос по ветру, стараясь учуять дичь; не слыша ничего, кроме однообразного звука шагов своих безмолвных спутников, они вновь опускали голову, и вновь возвращалось к ним выражение безнадежности, словно у преступников, которых гонят на каторгу, где им суждено жить и умереть.

Движение отряда на Майенну, разнородный его состав и различные чувства этих людей довольно просто объяснились присутствием другого отряда: в голове колонны шло около ста пятидесяти вооруженных солдат в походном снаряжении, под командой начальника полубригады. Для тех, кто не был свидетелем драматических событий революции, нелишним будет указать, что такое наименование заменило чин полковника, упраздненный патриотами как слишком аристократический. Солдаты принадлежали к пехотной полубригаде, стоявшей гарнизоном в Майенне. В те времена раздоров жители Западной Франции называли всех солдат Республики синими. Такое прозвище связано с первым республиканским мундиром, синим с красной выпушкой, и воспоминание о нем еще настолько свежо, что описывать этот мундир излишне. Итак, отряд синих служил конвоем целого сборища людей, которые почти все испытывали глубокое недовольство оттого, что их направляли в Майенну, где военная дисциплина должна была быстро придать им единообразие духа, одежды и выправку, пока совершенно у них

отсутствовавшую.

Колонна эта представляла собою контингент ополченцев, с трудом собранный в Фужерском округе по закону от 10 мессидора о массовом наборе, принятому Исполнительной директорией Французской республики. Правительство потребовало сто миллионов деньгами и сто тысяч солдат, желая спешно послать подкрепление французским армиям, ибо в ту пору их разбили австрийцы в Италии, пруссаки в Германии, а в Швейцарии угрожали им русские, которым Суворов внушил надежду победить Францию. Западные департаменты, известные под именем Вандеи, Бретань и часть Нижней Нормандии, за три года до того усмиренные после четырехлетней войны стараниями генерала Гоша, видимо, воспользовались моментом и возобновили борьбу. Пред лицом стольких врагов Республика вновь обрела свою первоначальную энергию. Прежде всего она приняла меры для защиты департаментов, подвергшихся нападению, и одной из статей закона от 10 мессидора поручила заботу об этом местным патриотам. На деле же правительство, не имея ни денег, ни войск для борьбы с внутренним врагом, вышло из затруднения законодательным фанфаронством: оно не могло ничего послать в восставшие департаменты, зато оказало им доверие. Может быть, оно надеялось, что эта мера, вооружив одних граждан против других, подавит мятеж в самом его зародыше. Статья закона, источник кровавых раздоров, составлена была следующим образом: Сформировать в западных департаментах вольные дружины. Это недипломатичное мероприятие принято было на западе Франции столь враждебно, что Директория[2 - Директория - правительство Французской республики в составе пяти «директоров»; оно представляло интересы крупной буржуазии, разбогатевшей на спекуляциях. Директория просуществовала с конца 1795 г. по 9 ноября 1799 г. (18 брюмера), когда возвратившийся из египетского похода Наполеон совершил государственный переворот и установил режим военной диктатуры.] сразу потеряла надежду восторжествовать и в скором времени потребовала у двух национальных собраний[3 - «...потребовала у двух национальных собраний...» - точнее, у двух палат, из которых состоял Законодательный корпус в годы Директории: Совет Пятисот и Совет Старейшин.] особых мер в отношении тех небольших контингентов, которые следовало набрать в силу статьи закона о «вольных дружинах». Незадолго до начала событий, описываемых в этом повествовании, был обнародован новый закон, изданный в третий дополнительный день VII года, - он предписывал сводить эти слабые контингенты в легионы. Легионы должны были носить название департаментов Сарты, Орна, Майенны, Иля-и-Вилены, Морбигана, Нижней Луары, Мэна-и-Луары. Эти легионы, - гласил закон, - предназначенные исключительно для борьбы с шуанами, ни в коем случае не подлежат переводу

на границы Франции. Такие скучные, но мало кому известные подробности нужны для того, чтобы понять и слабость Директории, и причину похода этого сборища людей под конвоем синих. Пожалуй, нелишним будет добавить также, что прекрасные и патриотические постановления Директории никогда не получали иного осуществления, кроме опубликования их в «Бюллетене законов». Декреты Республики уже не опирались на идеи, обладавшие великой моральной силой, на патриотизм или террор, которые когда-то заставляли выполнить их, – на бумаге создавались миллионы франков и сотни тысяч солдат, но ни деньги не поступали в казну, ни солдаты – в армию. Пружина революции ослабла в неумелых руках, и законы, вместо того чтобы подчинять себе обстоятельства, приспособлялись к ним.

В департаментах Иля-и-Вилены и Майенны командующим войсками был тогда старый офицер; увидев на месте, какие меры лучше всего принять, он решил попытаться вырвать рекрутов у Бретани и особенно у Фужера, одного из самых опасных очагов восстания шуанов. Он надеялся ослабить таким путем силы округов, угрожавших Республике. Преданный родине солдат воспользовался мнимой предусмотрительностью закона и объявил, что он тотчас же экипирует, вооружит рекрутов и готов выплатить месячное жалованье, обещанное правительством этим особым войсковым частям. Хотя Бретань в те годы отказывалась от всякого рода военной службы, призыв благодаря этим посулам прошел весьма удачно с такой быстротой, что командующий даже встревожился. Но старого вояку трудно было провести. Как только он увидел, что часть ополченцев немедленно явилась в округ, он заподозрил какую-то скрытую причину столь быстрого сбора и, пожалуй, верно угадал ее, предположив, что бретонцы хотят добыть себе оружие. Он решил тогда, не дожидаясь запоздавших, отойти на Алансон, ближе к покорным округам, хотя из-за восстания, разраставшегося в крае, успех этого плана был весьма гадательным. Повинуясь инструкции, он хранил в глубочайшей тайне неудачи французских армий и малоутешительные вести из Вандеи и в то утро, с которого начинается наш рассказ, сделал попытку достичь форсированным маршем Майенны, где он намеревался применить закон по-своему: пополнить новобранцами из Бретани состав полубригады. Слово «новобранец», впоследствии столь распространенное, впервые заменило в тексте законов название «рекрут», первоначально данное молодым солдатам республиканских войск. Прежде чем выступить из Фужера, командир полубригады отдал своим солдатам приказ тайно взять для всего отряда запас зарядов и хлеба, скрыв от новобранцев, что им предстоит долгий путь: он твердо решил не делать привала в Эрне, где его рекруты, оправившись от неожиданности, могли бы столкнуться с шуанами, без сомнения, рассеянными в окрестностях города.

Мрачное безмолвие, царившее среди новобранцев, ошеломленных маневром старого республиканца, и медлительность, с которой они поднимались в гору, в высочайшей степени возбуждали подозрения начальника полубригады, носившего фамилию Юло. Характерные подробности, указанные в нашем описании, представляли для него жизненный интерес, и поэтому он шел в безмолвном раздумье среди пяти офицеров, которые почтительно молчали, видя его озабоченность. Но в ту минуту, когда Юло поднялся на вершину Пелерины, он вдруг, точно по инстинкту, обернулся, желая взглянуть на встревоженные лица новобранцев, и сам прервал молчание. Бретонцы шли все медленнее и уже отстали от конвоя шагов на двести. Юло возмутился и сделал свойственную ему одному гримасу.

– Какого дьявола! Что творится с этими неженками! – крикнул он зычным голосом. – Наши новобранцы, видно, не раскрывают, а закрывают свои циркули.

При этих словах сопровождавшие его офицеры разом обернулись, словно проснувшись от внезапного шума. Сержанты и капралы последовали их примеру, и рота остановилась, не дожидаясь желанной команды «стой!». Сначала офицеры бросили взгляд на колонну, поднимавшуюся по склону горы подобно длинной черепахе, но затем эти молодые люди, которых защита отчизны оторвала, как и многих других, от возвышенных умственных трудов и в которых война еще не угасила артистического чувства, поразились зрелищем, открывшимся перед ними, и оставили без ответа замечание Юло, не подозревая всей его важности. Они пришли из Фужера, откуда также видна картина, представшая их глазам, с тою лишь разницей, какую вносят в нее изменения перспективы, и все же они не могли отказаться от удовольствия в последний раз полюбоваться ею, подобно тому как *dilettanti*[4 - Любители искусства (ит.)] тем больше наслаждаются музыкальным произведением, чем лучше знают все его детали.

С вершины горы перед ними развернулась долина Куэнона, а на горизонте самая возвышенная точка занята была городом Фужером. Крепость его, построенная на высокой скале, господствует над четырьмя важного значения дорогами, и благодаря этой позиции он некогда был одним из ключей Бретани. С Пелерины офицеры увидели во всей его шири бассейн Куэнона, столь же замечательный необычайным плодородием почвы, как и разнообразием пейзажей. Со всех сторон поднимаются здесь амфитеатром сланцевые горы; красноватые их склоны одеты дубовыми лесами, и меж них таятся прохладные лощины. Скалы стоят широкой, с виду округлой, оградой, а внутри ее, будто английский парк,

мягко раскинулся огромный луг. Множество живых изгородей вокруг наследственных неравных клочков земли, обсаженных деревьями, придают этому зеленому ковру облик, редкостный среди французских пейзажей, и тайна его очарования заключается в многообразии контрастов, которые могут поразить даже самую холодную душу. В эту минуту вся картина края была оживлена мимолетным блеском, каким природа любит порою усилить красоту своих нетленных творений. Пока отряд пересекал равнину, восходящее солнце постепенно рассеяло реявший над лугами белый легкий туман сентябрьского утра, и в тот миг, когда офицеры обернулись, словно чья-то незримая рука сняла с пейзажа последний из окутавших его покровов – дымку, тонкую, как пелена прозрачного газа, наброшенная на драгоценности, которые просвечивают сквозь нее, дразня любопытство. На всем широком горизонте не было в небе ни единого облачка, чья серебристая белизна могла бы убедить, что этот огромный голубой купол – действительно небосвод. Он казался скорее шелковым шатром, опиравшимся на неровные горные вершины и как будто воздвигнутым в воздухе для того, чтобы защитить от непогоды великолепное сочетание полей, лугов, ручьев и рощ. Офицеры не могли налюбоваться этим простором, где неожиданно возникло перед ними столько сельских красот. Одни колебались, не зная, на какой рощице остановить свой взгляд, ибо каждая изумляла разнообразием окраски, казавшейся еще богаче от суровых бронзовых тонов пожелтевшей листвы на фоне изумрудной зелени неравномерно скошенных лугов. Других привлекали контрастами своих оттенков убранные нивы, чередование золотистых полос сжатой ржи и красноватых полей гречихи, где снопы стояли в конических копнах, словно ружья, составленные солдатами в козлы на биваке. То тут, то там виднелись темные шиферные кровли жилищ, и над ними поднимался белый дымок; но больше всего манили взор обманчивой оптической игрой и почему-то пробуждали в душе смутную мечтательность живые серебристые линии извилистых притоков Куэнона. Благоуханная свежесть осеннего ветра, мощные запахи лесов поднимались облаком фимиама, опьяняя наших зрителей, с восхищением созерцавших этот прекрасный край, его незнакомые цветы, буйную растительность и яркую зелень, которой он соперничает с Британией, своей одноименной соседкой. Небольшие стада оживляли эту сцену, уже столь захватывающую. Пели птицы, и над долиной в воздухе трепетала негромкая нежная мелодия. Если читатели пожелают призвать на помощь силу воображения и оно нарисует им роскошную игру света и тени, мгlistый горный горизонт, фантастические дали, открывавшиеся там, где пространство не заслоняли деревья, где воды разливались плесами или бежали прихотливыми излучинами, если воспоминания, так сказать, раскрасят этот набросок, столь же беглый, как и то мгновение, когда он возник, – люди, для которых такие картины не лишены прелести, все же получат

несовершенное представление о волшебном зрелище, поразившем офицеров до глубины молодой впечатлительной души.

Они подумали тогда, что беднякам новобранцам тяжело покинуть родной край и дорогие им обычаи, – быть может, для того, чтобы умереть на чужбине; они поняли и невольно простили этим людям их медлительность, но с великодушием, свойственным солдату, скрыли свое снисходительное сочувствие, делая вид, что они просто желают изучить военные позиции этой живописной местности. Однако Юло – лучше называть его «командир», чтобы избежать неблагозвучного наименования «начальник полубригады», – был одним из тех солдат, которые пред лицом опасности не поддаются очарованию пейзажей, будь это даже рай земной. Он недовольно вскинул голову и насупил густые черные брови, придававшие его лицу суровое выражение.

– Какого дьявола они мешкают? Почему не идут? – вторично спросил он голосом, огрубевшим в походах. – Или в деревне нашлась какая-нибудь добрая Богоматерь, и они пожимают ей на прощание руку?

– Ты спрашиваешь – почему? – откликнулся чей-то голос.

Голос этот напоминал звук рога, которым крестьяне в долинах Бретани собирают свои стада; услышав его, командир резко обернулся, словно его кольнули шпагой, и в двух шагах от себя увидел существо, еще более странное, нежели новобранцы, которых вели в Майенну на службу Республике. У этого незнакомого человека, коренастого и плечистого, голова походила на бычью, и не только своей величиною; от широких мясистых ноздрей нос его казался короче, чем на самом деле; толстые губы, вздернутые над белоснежными зубами, черные круглые глаза и грозные брови, оттопыренные уши и рыжие волосы – все это менее соответствовало нашей прекрасной кавказской расе, чем роду травоядных. И, наконец, полное отсутствие признаков, свойственных человеку как существу общественному, делало эту обнаженную голову еще более примечательной. Лицо, бронзовое от загара, угловатыми своими контурами было сродни граниту, образующему подпочву в Бретани, и являлось единственной доступной взглядам частью тела этого необычайного существа, по самое горло закутанного в балахон из небеленого холста, еще более грубого, чем холст на шароварах самых бедных новобранцев. Балахон, в котором знатоки старины узнали бы «сей», или «сейон», древних галлов, доходил до пояса и пристегивался к штанам из козьей шкуры посредством кусочков дерева, грубо вырезанных и плохо очищенных от коры. Под этими меховыми чехлами,

облегавшими бедра и ноги, нельзя было различить очертаний человеческого тела. Огромные сабо закрывали ступни. Длинные лоснящиеся волосы, почти не отличимые от козьей шерсти, окаймляли лицо двумя широкими прядями, как у средневековых статуй, еще встречающихся в старинных соборах. Вместо суковатой палки, которую несли на плече новобранцы, он прижимал к груди, точно ружье, искусно сплетенный из кожаных ремней кнут, вдвое длиннее обычных кнутов. Внезапное появление удивительного пришельца казалось легко объяснимым. Взглянув на него, офицеры предположили, что это новобранец, или рекрут (слова эти еще употреблялись одно вместо другого), и что он поджидает остановившуюся колонну. Однако появление его почему-то поразило командира. Юло отнюдь не казался испуганным, но все же на лицо его легла тень беспокойства, и, смерив незнакомца взглядом, он повторил машинально, словно был поглощен мрачными мыслями:

– Да, почему они не идут? Ты не знаешь?

Сумрачный его собеседник ответил с акцентом, доказывавшим, что ему довольно трудно говорить по-французски:

– Потому что там начинается Мэн и кончается Бретань, – сказал он, протянув большую грубую руку по направлению к Эрне.

И он с силой ударил тяжелым кнутовищем о землю у самых ног командира. Лаконическая отповедь незнакомца произвела на свидетелей этой сцены впечатление, подобное внезапному грохоту тамтама среди плавных звуков музыкальной мелодии. Слово «отповедь» с трудом может передать ту ненависть и жажду мести, которые выразили высокомерный жест, отрывистая речь и весь облик незнакомца, носивший отпечаток свирепой и холодной энергии. Грубая, корявая оболочка этого человека, как будто вытесанная топором, черты лица, отмеченного тупым невежеством, придавали ему сходство с полубогом какого-то варварского культа. Он стоял в позе пророка, он появился словно дух самой Бретани, пробудившийся от трехлетнего сна для того, чтобы возобновить войну, где каждая победа неизменно влекла за собою двойной траур.

– Ну и образина! – тихо произнес Юло. – Очень похоже, что его подослали те молодчики, которые готовятся повести с нами переговоры ружейными выстрелами.

Пробормотав сквозь зубы эти слова, Юло перевел взгляд с незнакомца на пейзаж, с пейзажа на отряд, с отряда на крутые откосы дороги, поросшие вверху высокими кустами бретонского дрека, затем вновь обратил взор на незнакомца и наконец, как будто подвергнув его немому допросу, резко сказал:

– Ты откуда?

Он впился в пришельца пронизывающим взглядом, стараясь разгадать тайну этого непроницаемого лица, уже ставшего тупым и каменным, – обычная повадка отдыхающего крестьянина.

– С родины молодцов, – ответил незнакомец, не выказывая ни малейшего смущения.

– Как тебя зовут?

– Крадись-по-Земле.

– Почему ты носишь шуанскую кличку? Закон это запрещает.

Крадись-по-Земле, как назвал себя бретонец, посмотрел на Юло с неподдельно глупым недоумением, и старый воин подумал, что этот человек не понял его.

– Ты из фужерских новобранцев?

На этот вопрос Крадись-по-Земле ответил: «Не знаю» – с такой интонацией, которая может привести в отчаяние и делает беседу невозможной. Он спокойно присел у дороги, вытащил из-за пазухи несколько кусков тонкой темной лепешки из гречневой муки – национальное лакомство, убогая прелесть которого понятна только бретонцам, – и с тупым, безразличным видом принялся за еду. В эту минуту он казался существом, вовсе лишенным разума, и офицеры сравнивали его то с одним из тех животных, что щипали траву на тучных пастбищах долины, то с дикарями Америки, то с каким-нибудь обитателем мыса Доброй Надежды. Даже самого командира обманул его вид, и он перестал было тревожиться, но вдруг, бросив из осторожности последний взгляд на этого человека, в котором он подозревал вестника близкой резни, он увидел у него

в волосах, на балахоне и козых шкурах колючки, обрывки листьев, веточки деревьев и кустов, как будто шуан долго пробирался сквозь лесную чащу. Тогда Юло многозначительно посмотрел на своего адъютанта Жерара, стоявшего рядом с ним, и, крепко сжав его руку, сказал вполголоса:

- Пошли за шерстью, а вернемся стрижеными.

Удивленные офицеры молча переглянулись.

Здесь необходимо сделать отступление для того, чтобы опасения Юло стали понятны иным домоседам, привыкшим сомневаться во всем, ибо они ничего на своем веку не видели, и способным оспаривать самое существование Крадись-по-Земле и крестьян Западной Франции, чье поведение было в ту пору поразительным.

Слово *gars*, которое произносится как *г?* (га), является остатком кельтского языка. Из нижнебретонского оно перешло во французский, и в современном нашем языке с этим словом связано особенно много воспоминаний о старине. *Gais* было главным оружием гаэлов, или галлов, *gaisde* означало - «вооруженный», *gais* - «храбрость», а *gas* - «сила». Эти сопоставления доказывают родство слова *gars* с выражениями, существовавшими в языке наших предков. Здесь мы находим аналогию с латинским словом *vir* - «муж», корнем слова *virtus* - «сила, доблесть». Оправданием такого длинного рассуждения послужит национальное чувство, и, быть может, нам удастся реабилитировать в умах некоторых людей слова: *gars*, *gar?on*, *gar?onette*, *garce*, *garcette*, обычно изгоняемые из нашей речи, как слова грубые; происхождение этих слов весьма воинственное, и порою они будут появляться в нашем повествовании. Выражение «молодчина баба» - вот плохо понятая похвала, которую г-жа де Сталь получила в глухом вандейском кантоне, где она провела несколько дней, будучи в изгнании.

Из всех областей Франции в Бретани нравы древних галлов оставили наиболее сильный отпечаток. Та часть Бретани, где еще и поныне дикая жизнь и суеверный дух наших суровых предков, так сказать, сохранили свою свежесть, называется «край молодцов». Если в каком-нибудь кантоне живет значительное число дикарей, подобных герою описываемой нами сцены, местные жители говорят: «молодцы такого-то прихода». И это укоренившееся прозвище как бы служит наградой за их верность старине и традициям гаэльских нравов и гаэльского языка: вся их жизнь хранит глубокие следы верований и суеверных

обрядов древних времен. Тут всё еще соблюдают феодальные обычаи. Тут любители старины находят в целости памятники друидов, а дух современной цивилизации страшится проникнуть сквозь дремучие, первобытные леса. Невероятная жестокость, дикое упрямство, но вместе с тем верность клятве; полное пренебрежение нашими законами, нашими нравами, нашей одеждой, нашей новой монетой, нашим языком и вместе с тем патриархальная простота и героическая доблесть – все способствует тому, что жители этих мест беднее мыслями, чем могикане и краснокожие Северной Америки, но столь же сильны духом, столь же хитры и выносливы, как они. Положение Бретани в центре Европы делает ее более любопытной для наблюдателя, нежели Канада. Она окружена светом цивилизации, но благодетельные лучи не достигают ее, и этот край подобен промерзшему куску угля, остающемуся совсем темным посреди сверкающего очага. Все усилия некоторых великих умов привлечь к общественной жизни и процветанию эту прекрасную область Франции, богатую неразведанными сокровищами, и даже все попытки правительства разбиваются о косность населения, преданного мертвящим обычаям седой старины. Эту беду довольно легко объясняет характер местности, изрезанной оврагами, потоками, озерами и болотами; вздыбленная повсюду щетина живых изгородей, своего рода земляные бастионы, превращающие каждое поле в крепость; отсутствие во всей области дорог и каналов, а также дух невежественного населения, его закоренелые и опасные предрассудки, как то покажут некоторые подробности нашей повести, и нежелание усвоить современные способы земледелия. Гористая поверхность края и суеверия его жителей мешали возникновению больших поселений, а следовательно, благодетельному воздействию общения и обмена идей. Здесь нет деревень. Непрочные постройки, именуемые здесь дворами, разбросаны в одиночку. Каждая семья живет в своем дворе, как среди пустыни. Единственные известные здесь сборища – сходки, созываемые в каждом приходе по воскресеньям и другим церковным праздникам. На этих молчаливых собраниях царит «ректор» – властитель этих грубых умов, и длятся они иногда несколько часов. Выслушав грозную речь священника, крестьянин на всю неделю возвращается в свое вредное для здоровья жилище, выходит из него утром на работу и возвращается на ночлег. Если кто и навещает его, то только ректор – душа края. Не удивительно, что по призыву священников тысячи людей ринулись против Республики и за пять лет до того времени, к которому относится наше повествование, эта часть Бретани доставила множество солдат для первого мятежа шуанов. Братья Котро[5 - Братья Котро. – Один из них Жан, прозванный Шуан (то есть Сова, по его характерному свисту-сигналу, отсюда – «шуаны»), был предводителем вандейских контрреволюционных банд. Он поднял мятеж против Республики в конце 1793 г. и был убит в 1794 г. Ко времени действия

«Шуанов» в живых остался лишь один из братьев Котро.], смелые контрабандисты, которые дали название этой войне, занимались своим опасным ремеслом на всем пространстве от Лавалья до Фужера. Но в восстании этой провинции не было ничего благородного, и можно с уверенностью сказать, что если Вандея разбой превратила в войну, то Бретань войну превратила в разбой. Изгнание королевского дома и запрещение религии служили шуанам лишь поводом для грабежа, и события этой междоусобной войны отмечены дикой жестокостью, свойственной местным нравам. Когда подлинные защитники монархии явились в Бретань с целью набрать солдат среди ее невежественного и воинственного населения, они тщетно пытались придать при помощи белого знамени какое-то величие гнусным действиям мятежников. Шуаны показали памятный пример, насколько опасно поднимать нецивилизованные массы страны. набросок первой долины Бретани, открывающейся путешественнику, описание людей, входивших в отряд новобранцев, портрет бретонца, появившегося на вершине Пелерины, дают вкратце верную картину этой провинции и характера ее жителей. Изощренное воображение может по этим деталям нарисовать театр и способы войны шуанов – тут были налицо все ее элементы. В живописных долинах, за цветущими изгородями прятались невидимые враги, готовые к нападению. Каждая нива была тут крепостью, каждое дерево прикрывало западню, каждый дуплистый ствол старой вербы таил какую-нибудь военную хитрость. Поле сражения было повсюду. Шуаны подстерегали синих на поворотах дорог, девушки улыбками завлекали их под огонь ружей, не видя в том предательства. Они ходили с отцами и братьями на богомолье просить деревянную, источенную червями Богоматерь наставить их в новых хитростях и отпустить им грехи. Религия, или, вернее, фетишизм, этих невежественных созданий избавлял убийцу от угрызения совести. И поэтому, едва началась такая война, все в этом краю стало опасным: шум и тишина, милость и террор, домашний очаг и большая дорога. В предательствах тут была убежденность. Эти дикари служили Богу и королю такими же способами, какими ведут войну могикане. Но для того чтобы дать правдивую и совершенно точную картину этой борьбы, историк должен добавить, что, лишь только был подписан мир, предложенный Гошем, весь край вновь стал веселым и дружественным. Семьи, еще накануне готовые растерзать друг друга, на следующий день спокойно ужинали под одной кровлей.

В ту минуту, когда Юло разгадал тайну вероломных замыслов, которую выдали ему козышки Крадись-по-Земле, он убедился, что благодетельный мир, каким Франция обязана была дарованиям Гоша, нарушен и сохранить этот мир невозможно. Итак, в результате трехлетнего бездействия правительства война

возобновлялась, и, несомненно, более ужасная, чем прежде. Революция, смягчившаяся после 9 термидора[6 - «Революция, смягчившаяся после 9 термидора...» - то есть после 27 июля 1794 г., когда были свергнуты якобинцы. В действительности, смягчился террор против врагов Республики, якобинцы же подверглись жесточайшим преследованиям.], теперь, очевидно, должна была вновь прибегнуть к террору, который сделал ее ненавистной для благонамеренных умов. И как всегда, внутренние раздоры во Франции разжигало золото Англии. Республика, покинутая молодым Бонапартом[7 - «Республика, покинутая молодым Бонапартом...» - Бонапарт предпринял поход в Египет, но бросил армию и возвратился в октябре 1799 г. в Париж, когда узнал о создавшихся к концу 1799 г. благоприятных условиях для свержения Директории.], казавшимся ее гением-покровителем, видимо, была не в состоянии сопротивляться стольким врагам, а самый жестокий из них выступил последним. Гражданская война, возвещенная множеством отдельных мелких восстаний, явно принимала новый, небывало серьезный характер, раз шуаны задумали напасть на такой сильный конвой. Вот какие размышления, хотя и гораздо менее краткие, возникли в голове Юло, как только он увидел в появлении Крадись-по-Земле признак искусно подготовленной засады; но сначала лишь он один проник в тайну опасности.

Молчание, наступившее после пророческой фразы Юло, обращенной им к Жерару в конце предыдущей сцены, помогло командиру вновь обрести хладнокровие. Старый солдат едва не растерялся. Он не мог прогнать облако заботы, омрачившее его лоб, когда подумал о том, что его уже подстерегают ужасы войны, зверской жестокости которой устыдились бы и каннибалы. Его друзья, капитан Мерль и майор Жерар, пытались объяснить себе столь новое для них боязливое выражение на лице Юло: они смотрели на Крадись-по-Земле, который жевал лепешку, сидя у дороги, и оба не могли найти ни малейшей связи между этим подобием животного и тревогой их отважного командира. Но вскоре лицо его просветлело. Горюя о бедствиях Республики, Юло радовался случаю послужить ей в сражении и весело дал себе слово не попасть впросак и разгадать дьявольски хитрого лазутчика, которого подослали шуаны, оказав таким выбором честь неприятелю. Прежде чем принять решение, он принялся рассматривать позицию, где враги хотели напасть на него врасплох. Увидев, что дорога, на которой он остановился, проходит через овраг неглубокий, но окаймленный лесом и что к этому оврагу ведет несколько тропинок, он нахмурил густые черные брови и взволнованным голосом тихо сказал двум своим друзьям:

- Мы попали в осиное гнездо.

– Чего же вы боитесь? – спросил Жерар.

– Боюсь? – переспросил Юло. – Да, боюсь. Я всегда боялся, как бы меня, словно собаку, не пристрелили из лесу, даже не крикнув: «Берегись!»

Мерль засмеялся:

– Ну, «берегись» – это уж роскошь!

– Нам в самом деле грозит опасность? – спросил Жерар, удивляясь хладнокровию Юло не меньше, чем его мимолетному страху.

– Тс-с! – сказал командир. – Мы залезли в волчью пасть. Темно, как в печи, и тут надо зажечь свечку. Хорошо еще, – добавил он, – что мы поднялись на вершину этой горы!..

Он наградил гору энергичным эпитетом и добавил:

– А все-таки я, пожалуй, разберусь, в чем тут дело.

Командир поманил обоих своих друзей, и втроем они обступили Крадись-по-Земле. Шуан вскочил, как будто боясь помешать им.

– Сиди на месте, бездельник! – крикнул Юло и толкнул шуана на откос, с которого тот поднялся.

С этого мгновения командир полубригады не отводил от беспечного бретонца внимательного взгляда.

– Друзья! – тихо сказал он обоим офицерам. – Пора вам сказать, что в парижской лавочке разгром[8 - «...в парижской лавочке разгром». – Юло называет «лавочкой» правительство Директории, к которому французский народ относился с презрением.]. После потасовки в национальных собраниях Директория опять прошла метлой по нашим рядам. Эти пентархи[9 - «Эти пентархи...» – Пентархня (греч.) – «пятивластие» (членов Директории было пять).], или, вернее сказать, пентюхи, только что потеряли хорошего солдата:

Бернадот больше не хочет с ними связываться.

– А кто теперь вместо него? – быстро спросил Жерар.

– Миле-Мюро, старый режим. Неподходящее время давать ход таким болванам. У наших берегов уже взлетают английские ракеты. Все вандейские и шуанские жуки гудят в воздухе, и те, кто управляет этими марионетками, сумели выбрать момент, когда наш корабль дал течь.

– Как так? – спросил Мерль.

– Наши армии повсюду разбиты, – продолжал Юло, еще более понижая голос. – Шуаны уже дважды перехватывали курьеров: последние депеши и декреты я получил только с нарочным, которого послал Бернадот, когда уходил из министерства. К счастью, друзья тайком сообщили мне об этом разгроме. Парижские предатели, как это открыл Фуше, известили тирана, Людовика Восемнадцатого, что ему надо послать главаря своим приспешникам во Франции. Думают, что Баррас изменяет Республике. Короче говоря, Питт и принцы[10 - «...Питт и принцы...» - Питт Вильям-младший (1759–1806) – английский премьер-министр, вдохновитель и организатор войн против революционной, а потом и против наполеоновской Франции. Принцы – это Бурбоны: граф д'Артуа, граф Прованский (провозглашенный королем Франции под именем Людовика XVIII, но вступивший на трон только в 1814 г.) и принц Конде, возглавлявший контрреволюционный эмигрантский сброд еще в 1789–1792 гг. в Кобленце.] послали сюда одного «бывшего», человека напористого и талантливоего; говорят, он хочет соединить силы вандейцев и шуанов и сбить с Республики ее фригийский колпак. Мошенник уже высадился в Морбигане. Я это узнал первым и сообщил парижским умникам. Он взял себе прозвище «Молодец». Все эти скоты, – сказал Юло, указывая на Крадись-по-Земле, – придумывают себе такие клички, что честного патриота схватили бы колики, если б он вздумал так назвать себя. Итак, Молодец в нашем округе. Появление подосланного шуана, – и он снова указал на Крадись-по-Земле, – ясно говорит, что за нами гонятся. Но старую обезьяну гримасам не учат, а вы поможете мне в два счета доставить моих коноплянок в клетку. Хорош я буду, если свалю дурака и дам себя облапошить какому-то бывшему, который явился из Лондона и желает стряхнуть пыль с наших треуголок!

Услышав эти тайные вести о критических обстоятельствах и зная, что их командир никогда не тревожится понапрасну, оба офицера сразу стали

серьезными, как и подобает солдатам в час опасности, если они люди крепкой закалки и привыкли разбираться в делах человеческих. Жерар по своему чину, впоследствии уничтоженному, больше всех связанный с командиром, хотел было ответить, а также расспросить о тех политических новостях, о которых Юло явно умолчал, но тот знаком остановил его, и все трое устремили взгляд на Крадись-по-Земле. Шуан не выказывал ни малейшего волнения, хотя видел, что за ним наблюдают люди, опасные для него своим умом и физической силой. Обоим офицерам война такого рода была внове, любопытство их было возбуждено завязкой сражения, представлявшего для них интерес почти романтический; им даже захотелось пошутить, но при первом же веселом слове, которое вырвалось у них, Юло строго посмотрел на своих друзей и сказал:

– Разрази меня гром! На бочке с порохом не курят, граждане. Храбриться не вовемя – все равно что воду решетом носить.

И, наклонившись к своему адъютанту, он шепнул ему на ухо:

– Майор, незаметно подойдите к этому разбойнику и будьте готовы при первом подозрительном движении проткнуть его шпагой. А я приму меры к тому, чтобы должным образом поддержать разговор, ежели наши невидимки вздумают его завести.

Жерар слегка наклонил голову в знак повиновения, затем принялся рассматривать уже знакомые нам виды куэнонской долины. Казалось, он хотел получше разглядеть их и двигался, так сказать, сам по себе, без всякого тайного умысла, но, попятно, пейзаж занимал последнее место в его наблюдениях. Со своей стороны Крадись-по-Земле ничем не показывал, что маневр офицера опасен для него. Он поигрывал своим длинным кнутом, как будто ловил удочкой рыбу в придорожной канаве.

В то время как Жерар старался занять позицию возле шуана, командир тихо сказал Мерлю:

– Дайте кому-нибудь из сержантов десяток отборных солдат и лично поставьте их над нами, на вершине холма – там, где дорога расширяется и идет по площадке: оттуда им будет виден довольно большой кусок пути на Эрне. Выберите такое место, где около дороги нет леса, чтобы сержант мог наблюдать за окрестностью. Из сержантов возьмите Сердцеведа, он толковый парень...

Дело нешуточное, я и гроша не дам за наши шкуры, если мы не будем начеку.

Пока Мерль с большой поспешностью выполнял приказание, поняв всю его важность, командир поднял правую руку, и солдаты, которые стояли вокруг и весело болтали, мгновенно умолкли. Другим жестом он приказал разобрать ружья. Когда наступила тишина, Юло посмотрел по обеим сторонам дороги, прислушиваясь с тревожным волнением, словно надеялся уловить заглушенный шум, бряцанье оружия или шаги – предвестники ожидаемой битвы. Его черные, зоркие глаза, казалось, проникали взглядом в самую глубину леса; но, не заметив никаких признаков опасности, он, подобно дикарям, стал осматривать песок на дороге, пытаясь открыть на нем следы невидимых врагов, дерзость которых была ему известна. Отчаявшись найти хоть что-нибудь, что подтверждало бы его беспокойство, он подошел к обочине дороги, тяжело взобрался на косогор и медленно прошелся по его гребню. Вдруг он почувствовал, как необходима его опытность для спасения отряда, и спустился на дорогу. Лицо его еще более омрачилось, ибо в те времена командиры всегда сожалели, что не могут одни взять на себя самые опасные задачи.

Офицеры и солдаты, заметив озабоченный вид своего начальника, которого они любили за характер и ценили за испытанное мужество, поняли, что настороженность старого воина предвещает какую-то опасность; они не могли и подозревать, насколько серьезна эта опасность, но безотчетно замерли на месте затаив дыхание. Подобно собакам, когда они пытаются угадать намерения искусного охотника и, даже не понимая цели приказаний, в точности ему повинуются, солдаты смотрели то на долину Куэнона, то на лес у дороги, то на суровое лицо командира, стараясь прочесть на нем свою участь. Они переглядывались, и не раз улыбка перелетала с одних уст на другие.

Когда Юло сделал обычную свою гримасу, Скороход, молодой сержант, прослывший ротным остряком, тихо сказал:

– Куда же это нас занесла нелегкая? Старый рубака Юло строит постную мину! Прямо как на военном совете!

Юло бросил на него строгий взгляд, и сразу настала тишина, как и подобает в строю. В этой торжественной тишине равномерный звук шагов запоздавших новобранцев, глухой хруст песка под их ногами вносили что-то злое во всеобщую тревогу. Это неизъяснимое ощущение могут понять только те, кто в мучительный час ожидания беды чувствовал среди безмолвия ночи,

как монотонное повторение какого-нибудь звука усиливает бурные толчки сердца и капля за каплей вливает в него ужас. Юло снова встал посреди дороги и снова спросил себя: «Не ошибаюсь ли я?» В его глазах уже сверкнула молния нараставшего гнева, когда он посмотрел на спокойное и тупое лицо Крадись-по-Земле, но, уловив в тусклом взгляде шуана свирепую иронию, он убедился, что нельзя прекращать спасительные меры. В эту минуту вернулся капитан Мерль, выполнив приказание Юло. Немые участники этой сцены, подобной множеству других сцен, которые сделали эту войну самой драматической из всех войн, нетерпеливо ждали новых впечатлений, сгорая любопытством и надеясь, что другие маневры командира осветят непонятную им военную обстановку.

– Правильно мы сделали, капитан, – сказал Юло, – что в хвосте отряда поставили тех немногих патриотов, которые оказались среди новобранцев. Возьмите с десятков лихих ребят под командой лейтенанта Лебрена и немедленно отведите их в конец отряда – они там подкрепят патриотов и заставят быстрее двигаться все стадо этих гусей, чтобы нам поскорее собрать их вон на том месте, где стоят наши товарищи. Я подожду вас.

Капитан исчез в рядах. Командир поочередно оглядел четырех солдат-храбрецов, известных ему своей сметливостью и проворством, и молча подозвал их: указал на каждого рукой и дружески поманил к себе, быстро помахав пальцем у самого своего носа. Солдаты подошли.

– Вы служили со мной еще при Гоше, – сказал он, – когда мы проучили этих разбойников, которые называют себя королевскими егерями. Вам ли не знать, как они прятались и палили в синих из засады!

В ответ на эту похвалу их опытности все четверо с многозначительным видом кивнули головой. Их героически-воинственные лица выражали беспечную покорность, говорившую, что с начала борьбы, завязавшейся между Францией и Европой, границами их мыслей были – патронташ позади и штык впереди. Плотнo сжав губы, словно кисет, стянутый шнурочком, они внимательно и с любопытством смотрели на своего командира.

– Так вот, – сказал Юло, – обладавший искусством говорить живописным солдатским языком, – такие орлы, как вы, не дадут шуанам напакостить нам, а шуаны тут есть, не будь я Юло! Ступайте вчетвером в разведку, прочешите обе стороны дороги. Отряд скоро тронется. Поэтому не зевайте. Постарайтесь

не попасть на мушку и разузнайте, что там творится. Да поживей!

И он указал солдатам на опасные вершины у дороги. Все четверо в знак благодарности за доверие приложили руку к старой треуголке, у которой избитое дождями и обмякшее от времени поле загнулось на тулю. Один из четверки, капрал Лароз, хорошо знакомый Юло, сказал ему, звякнув ружьем:

– Мы им сыграем песенку на этой дудочке, командир.

И они отправились – двое направо, а двое налево. Отряд с тайным волнением смотрел, как они исчезли за откосами дороги. Юло разделял эту тревогу: он считал, что посылает разведчиков на верную смерть. Он невольно вздрогнул, когда скрылись из виду их треуголки. С тоской, глубоко затаенной и оттого особенно острой, офицеры и солдаты прислушивались к замирающему звуку шагов по сухим листьям. На войне бывают случаи, когда зрелище четырех человек, рискующих жизнью, вызывает ужас более глубокий, чем тысячи павших у Жемаппа[11 - Жемапп – бельгийская деревушка, возле которой 6 ноября 1792 г. молодая армия Первой Французской республики разбила австрийскую армию.]. Выражение лиц бывает тогда у солдат столь разнообразным и столь мимолетным, что живописцу приходится обратиться к воспоминаниям участников сражений, а мирным умам – предоставить самим изучать эти драматические лица, ибо бури войны, столь богатые подробностями, невозможно описать полностью без нескончаемых длиннот.

В то мгновение, когда исчезли сверкающие штыки четырех солдат, вернулся капитан Мерль, исполнив с быстротой молнии приказ командира. Тогда Юло двумя-тремя словами команды построил солдат на дороге в боевом порядке, затем приказал им подняться на вершину Пелерины где стоял его маленький авангард; но сам он шел последним, спиной к отряду, чтобы следить за малейшими возможными изменениями в любой точке этого ландшафта, который природа создала таким чудесным, а человек сделал таким грозным. Отряд дошел до того места, где Жерар стерег Крадись-по-Земле, и вдруг шуан, казалось равнодушно наблюдавший за маневрами командира, а на деле удивительно умным взглядом следивший за двумя солдатами, которые вошли в лес справа от дороги, свистнул три-четыре раза, подражая звонкому, пронзительному крику совы. Меняя переливы этого звука, три знаменитых контрабандиста, чьи имена мы уже упомянули, по ночам извещали друг друга таким способом о засадах, опасностях – обо всем, что для них было важно. Отсюда и возникло прозвище шуан, означающее на местном наречии «сова»

или «филин». Это испорченное произношением слово послужило прозвищем всех участников первого восстания, подражавших повадкам и сигналам трех братьев. Услышав подозрительный свист, командир сразу остановился и пристально поглядел на Крадись-по-Земле. Однако он сделал вид, что верит притворной глупости шуана, решив держать его возле себя как барометр, указывающий движение врага. Поэтому он схватил за руку Жерара, который хотел было прикончить шуана. Затем он поставил в нескольких шагах от шпиона двух солдат и громко, отчетливо приказал им пристрелить его при малейшем подозрительном знаке, который он подаст. Несмотря на явную опасность, Крадись-по-Земле не выказал никакого волнения, и командир, наблюдавший за ним, отметил эту бесчувственность.

– Хитрец пересолил, – сказал он Жерару. – Да, да! Нелегко прочесть что-нибудь на лице шуана, но этот мошенник выдал себя желанием показать свою отвагу. Видишь ли, Жерар, если бы он разыграл ужас, я бы просто принял его за дурака. И мы бы с ним были два сапога пара; я уж не знал, что и думать. Сейчас на нас нападут! Но пусть попробуют! Теперь я готов.

Старый солдат произнес эти слова очень тихо и, с торжествующим видом потирая руки, насмешливо посмотрел на Крадись-по-Земле; затем он скрестил руки на груди и стал посреди дороги, между двух офицеров, своих любимцев, ожидая результата принятых мер. Он был уверен, что предстоит схватка, и спокойно осматривал своих солдат.

– Ого, быть бане!.. – тихонько сказал Скороход. – Командир потирает руки!..

Юло и его отряд оказались в критическом положении, когда действительно на карту поставлена жизнь и когда люди решительные считают для себя честью проявить самообладание и спокойствие мысли. В такие минуты о человеке судят по его делам и выносят ему бесповоротный приговор. Поэтому для Юло, который лучше, чем его офицеры, знал о грозившей опасности, было даже вопросом самолюбия казаться самым спокойным из всех. Поочередно переводил он глаза на Крадись-по-Земле, на дорогу, на леса и с каким-то мучительным нетерпением ждал, когда же раздастся залп шуанов, которые, думалось ему, притаились вокруг, словно лесные духи. Но лицо его оставалось бесстрастным. Зная, что глаза всех солдат устремлены на него, он сморщил свое смуглое и рябое от оспы лицо, вздернул правый уголок рта и прищурил глаза – эту его гримасу солдаты всегда принимали за улыбку. Затем он ударил Жерара по плечу и сказал:

– Ну, теперь мы спокойны. О чем вы хотели меня спросить?

– Какая новая напасть на нас обрушилась, командир?

– Дело не новое, – тихо ответил Юло. – Вся Европа против нас[12 - «Вся Европа против нас...» – Речь идет о второй коалиции, объединившей в 1798 г. Англию, Австрию, Россию и некоторые другие страны.], и теперь ей легко вести игру. Пока господа члены Директории дерутся друг с другом, как лошади у пустой кормушки, все их правление трещит по швам, и они оставляют армию без помощи. В Италии нас расколотили! Да, друзья, мы ушли из Мантуи в результате поражения при Требии, а Жубер только что проиграл сражение при Нови. Надеюсь, что Массена отстоит горные проходы в Швейцарии, захваченные Суворовым. На Рейне мы отброшены. Директория послала туда Моро. Удержит ли этот смельчак границу?.. Допустим! Но коалиция в конце концов раздавит нас, и, к несчастью, единственный генерал, который в силах нас спасти, – у черта на куличках, в Египте! Да и как ему вернуться? Англия хозяйничает на море.

– Отсутствие Бонапарта меня не беспокоит, командир, – ответил молодой майор Жерар, человек образованный и незаурядного ума. – Наша революция от этого не остановится. Нет! Мы должны не только защищать французскую землю, у нас двойная миссия. Мы обязаны сохранить душу страны, благородные принципы свободы, независимость и человеческий разум, пробужденный нашими национальными собраниями, – надеюсь, что он будет распространяться все дальше и дальше. Франция – словно путник, которому вверен светоч: одной рукой он держит его, другой охраняет; если ваши известия верны, то еще никогда за последние десять лет не окружало нас столько врагов, которые стремятся загасить этот светильник. Доктрины и страна – все на краю гибели.

– Увы, да! – со вздохом согласился Юло. – Эти шуты, члены Директории, ухитрились поссориться со всеми, кто мог бы умело вести ладью. Бернадот, Карно, все, даже гражданин Талейран, покинули нас. Короче говоря, у нас остался только один добрый патриот – хитрец Фуше, он все держит в руках с помощью своей полиции. Вот это голова! Он-то и предупредил меня вовремя об этом восстании. И все же я уверен, что мы попали в западню.

– Да! Если армия не вмешается в дела правительства, – сказал Жерар, – адвокаты доведут нас до того, что будет хуже, чем до революции. Разве эти

фитюльки умеют командовать!

– Я всегда опасаюсь одной вести, – продолжал Юло, – вдруг мы узнаем, что они столковались с Бурбонами! Разрази их гром! Если они сговорятся, то в каком положении мы здесь окажемся?

– Нет, нет, командир, до этого не дойдет, – возразил Жерар. – Армия, как вы говорите, поднимет голос, – только бы она не выбирала выражений из лексикона Пишегрю, и тогда, надеюсь, мы увидим, что не для того же мы рубились целых десять лет, чтобы в конце концов другие пряли лен, который мы растили.

– О да! – воскликнул командир. – Недешево нам стоило переменить одежду!

– Ну так вот, – сказал капитан Мерль, – будем по-прежнему действовать как добрые патриоты и постараемся не давать шуанам сообщаться с Вандеей, – ведь если они стакнутся с ней, да если еще Англия сюда замешается, – на этот раз я не поручусь за фригийский колпак единой и нераздельной Республики.

Но тут разговор прервал крик совы, раздавшийся довольно далеко. Командир встревожился и сразу посмотрел на Крадись-по-Земле, но ни один мускул не дрогнул на застывшем, бесстрастном лице шуана. Рекруты, собранные одним из офицеров, сгрудились, как стадо на дороге, шагах в тридцати от роты, построеной для боя. За ними, в десяти шагах, стояли солдаты и патриоты под командой лейтенанта Лебрена. Командир окинул взглядом боевое расположение и в последний раз посмотрел на пикет, выставленный на дороге. Довольный этой диспозицией, он обернулся и уже хотел скомандовать: «Марш!» – как вдруг заметил трехцветные кокарды двух солдат, возвращавшихся из леса по левую сторону дороги. Увидев, что с правой стороны патруль еще не возвратился, Юло решил подождать его.

– Может быть, как раз оттуда и вылетит бомба, – сказал он офицерам, указывая на тот лес, который, казалось, похоронил в своей чаще двоих его разведчиков.

Пока вернувшиеся стрелки отдавали ему нечто вроде рапорта, Юло выпустил из поля зрения Крадись-по-Земле. Шуан вдруг засвистел, да так громко, что этот свист можно было услышать на громадном расстоянии, и, раньше чем его сторожа успели прицелиться в него, он ударом кнута опрокинул обоих на откос у дороги. И тотчас же республиканцев ошеломили крики, вернее, дикие вопли.

Из леса, поднимавшегося над откосом, где сидел шуан, грянул залп, и семь-восемь солдат упали. Пять-шесть солдат выстрелили в Крадись-по-Земле, но промахнулись; он с быстротой дикой кошки вскарабкался на косогор и скрылся в лесу; его сабо скатились в канаву, и оказалось, что он обут в грубые башмаки с железными подковками, какие носили королевские егеря. При первых же криках шуанов новобранцы бросились в лес направо от дороги, словно стая птиц, взлетевшая при виде путника.

– Огонь по этим мерзавцам! – крикнул командир.

Отряд выстрелил, но беглецы укрылись от пуль за деревьями и, прежде чем солдаты перезарядили ружья, исчезли.

– Вот! Извольте-ка выполнять декрет о создании легионов в департаментах... – сказал Юло Жерару. – Только наша умница Директория могла рассчитывать на ополчение в этом краю. А еще голосует в законодательных собраниях решения об отпуске нам обмундирования, денег и снаряжения... Лучше бы их давали нам на самом деле.

– Видно, этим жабам их лепешки вкуснее солдатского хлеба, – сказал Скороход, ротный балагур.

Из рядов республиканцев раздались свист и хохот, заклеившие дезертиров, но вдруг снова наступила тишина. Солдаты увидели, что по откосу с трудом спускаются два стрелка, которых командир посылал на разведку в лес справа от дороги. Один из солдат, раненный легко, поддерживал товарища, обгаившего землю кровью. Бедняги добрались до середины спуска, но вдруг показалось отвратительное лицо Крадись-по-Земле; он так метко прицелился в разведчиков, что одним выстрелом прикончил обоих, и они рухнули в канаву. Лишь только солдаты увидели его большую голову, поднялось тридцать ружейных стволов, но, подобно фантастическому видению, он исчез в предательских кустах дрека. Все эти события, для описания которых потребовалось столько слов, произошли в мгновение ока, и в одно мгновение патриоты и солдаты арьергарда присоединились к остальной части отряда.

– Вперед! – крикнул Юло.

Рота быстро двинулась к тому высокому и открытому месту, где был выставлен пикет. Юло построил там солдат в боевом порядке; однако, не заметив никаких враждебных действий со стороны шуанов, он решил, что единственной целью засады было освобождение новобранцев.

– Судя по крикам, – сказал он двум своим друзьям, – их немного. Двинемся быстрым шагом – может быть, дойдем до Эрне, не чувствуя их за спиной.

Эти слова услышал один из новобранцев-патриотов, он вышел из рядов и встал во фронт перед Юло.

– Командир, – сказал он, – я уже участвовал в войне против шуанов. Разрешите сказать два слова?

– Он, поди, адвокат, – шепнул Юло на ухо Мерлю, – эта братия всегда воображает себя на заседании суда. Ну, держи речь, – ответил он молодому фужерцу.

– Командир, шуаны наверняка завербовали этих людей и принесли для них оружие. Если мы только двинемся с места, они будут стрелять из-за каждого дерева и перебьют нас всех до единого, прежде чем мы доберемся до Эрне. Придется держать речь, как ты сказал, но не языком, а пулями. Во время боя, – а он протянется дольше, чем ты думаешь, – кто-нибудь из моих товарищей сбегает в Фужер за Национальной гвардией и вольными дружинами. Хотя мы всего лишь новобранцы, ты увидишь, что мы не из породы ворон.

– Так, по-твоему, шуанов очень много?

– Суди сам, гражданин командир!

Он повел Юло к тому месту, где песок был словно взрыт граблями, и, указав на это, прошел с ним довольно далеко по тропинке, на которой они увидели следы большого числа людей. В землю были втоптаны ногами листья.

– Тут прошли молодцы из Витре, – сказал молодой фужерец, – они двинулись на соединение с шуанами из Нижней Нормандии.

– Как твоя фамилия, гражданин? – спросил Юло.

– Гюден, командир.

– Ну, Гюден, назначаю тебя капралом. Командуй своими земляками. Ты, видно, человек надежный. Поручаю тебе выбрать среди твоих товарищей, кого послать в Фужер. Сам держись около меня. Но прежде всего возьми ополченцев, ступайте и снимите ружья и амуницию с наших бедных товарищей, которых разбойники-шуаны уложили на дороге. Тогда не придется вам получать вражеские гостинцы, не отвечая таким же угощением.

Смелые фужерцы отправились за снаряжением убитых; вся рота защищала их сильным огнем в направлении леса, и им удалось, не потеряв ни одного человека, снять с мертвецов оружие и одежду.

– Из этих бретонцев, – сказал Юло адъютанту, – выйдут славные пехотинцы, если только солдатское житье придется им по нутру.

Гонец Гюдена помчался кратчайшей тропинкой через лес с левой стороны от дороги. Солдаты осмотрели оружие и приготовились к бою; командир сделал им смотр, улыбнулся и встал на несколько шагов впереди, меж двух офицеров, своих любимцев, с твердостью ожидая атаки шуанов. Снова воцарилась тишина, но ненадолго. Триста шуанов, в таких же одеждах, как и новобранцы, выбежали из леса справа от дороги и беспорядочной толпой, с каким-то звериным воем, заняли всю дорогу перед малочисленным отрядом синих. Командир построил солдат двумя равными колоннами, по десять человек в шеренге. В промежутке между этими отрядами он поставил двенадцать наспех вооруженных новобранцев и сам встал впереди них. С обеих сторон дороги его маленькую армию прикрывали два крыла, по двадцати пяти человек в каждом, под командой Жерара и Мерля. Оба офицера должны были, выждав момент, нажать с флангов и не дать шуанам рассыпаться. Это слово на местном наречии обозначает: рассеяться по полю сражения, чтобы каждый мог со своей позиции безопасно для себя стрелять в синих; при таком маневре республиканские войска не знали, где искать врага.

Меры, принятые командиром с быстротой, необходимой в подобных обстоятельствах, вселили в солдат уверенность, и все молча двинулись на шуанов. Через несколько минут, когда противники сошлись, раздался залп

в упор, и смерть вырвала у них много бойцов. В это время оба крыла республиканцев, которым шуаны ничего не могли противопоставить, обошли их с флангов и сильным сосредоточенным огнем посеяли смерть и смятение среди врагов. Этот маневр почти установил численное равенство обеих сторон. Однако у шуанов храбрость сочеталась с упорством; они не дрогнули от потерь, сомкнулись и попытались окружить маленький отряд синих, стоявший темными стройными рядами, но занимавший так мало места, что он походил на пчелиную матку среди роя пчел. Завязалось одно из тех яростных сражений, когда редкие выстрелы мушкетов сменяет лязг холодного оружия, – рукопашная схватка врагов, равных своим мужеством, когда победу решает численный перевес. Шуаны сразу же взяли бы верх, если бы крыльям республиканского отряда, под командой Мерля и Жерара, не удалось двумя-тремя перекрестными залпами поразить вражеский арьергард. Флангам синих следовало сохранить свою позицию и продолжать метким огнем уничтожать грозного противника; но опасность, которой подвергнулся героический батальон, уже полностью окруженный королевскими егерями, встревожила их, они как бешеные бросились на дорогу в штыковую атаку, и на некоторое время силы почти уравнились. Обоими отрядами овладело ожесточение, обостренное всей яростью политической вражды, которая придала этой войне столь исключительный характер. Каждый дрался молча, поглощенный грозившей ему опасностью. Битва была мрачной и холодной, как смерть. Слышался только звон оружия, хруст песка под ногами да глухие возгласы и стоны тяжело раненных или умирающих, падавших на землю. В республиканском отряде двенадцать новобранцев с такой отвагой защищали командира, поглощенного наблюдением и приказами, что не раз солдаты кричали:

– Браво, рекруты!

Юло, не терявший в бою невозмутимого спокойствия и зоркости взгляда, скоро приметил среди шуанов человека, как и он, окруженного отборным отрядом, – несомненно, их предводителя. Он счел необходимым хорошенько рассмотреть этого офицера и несколько раз попытался сделать это, но лицо шуанского главаря все время заслоняли красные колпаки и широкополые шляпы. Юло ясно видел только Крадись-по-Земле, который стоял рядом со своим начальником и повторял хриплым голосом его распоряжения, не переставая в то же время действовать карабином. Непрерывная помеха привела Юло в раздражение. Он обнажил шпагу и, воодушевив своих новобранцев, с такой яростью атаковал центр неприятеля, что прорвался сквозь толпу шуанов и на мгновение увидел их вожака, но, к сожалению, черты его скрывала фетровая шляпа с белой кокардой. Столь дерзкое нападение изумило незнакомца, он отпрянул, резко сдвинул

назад шляпу, и тогда Юло удалось наскоро запечатлеть в памяти его приметы. На взгляд он дал этому молодому вожаку не больше двадцати пяти лет; на нем была охотничья куртка зеленого сукна, за белым поясом торчали пистолеты, на ногах были грубые башмаки с подковками, как у всех шуанов; охотничьи гетры до колен, прикрепленные к коротким штанам из плотного толстого тика, довершали костюм, ловко сидевший на этом невысоком, но стройном, хорошо сложенном человеке. Увидев, что синим удалось пробиться к его особе, он пришел в бешенство и, надвинув шляпу, кинулся им навстречу, но тотчас же его обступили Крадись-по-Земле и несколько других встревоженных шуанов. Между головами людей, теснившихся вокруг этого юноши, Юло, как ему показалось, увидел на его полурасстегнутой куртке широкую красную ленту. Этот знак королевского ордена, в те годы уже совершенно забытого, привлек на секунду внимание командира, затем он снова перевел взгляд на лицо незнакомца, но скоро потерял его из виду, ибо должен был в сражении наблюдать за безопасностью и действиями своего маленького отряда. Он едва успел заметить блестящие глаза, не уловив, однако, их цвета, светло-русые волосы и довольно тонкие черты загорелого лица. Его поразила ослепительная белизна обнаженной шеи, подчеркнутая черным небрежно завязанным мягким галстуком. Поза этого молодого человека, исполненного бурного воодушевления, была воинственна, как у тех, кто ищет в сражениях условной поэзии. Рука, обтянутая перчаткой, размахивала в воздухе шпагой, сверкавшей на солнце. Движения его отличались изяществом и силой. Искренняя экзальтация, очарование молодости, утонченные манеры этого эмигранта делали его образцовым представителем французского дворянства. Он был полной противоположностью Юло, находившемуся в двух шагах от него, – старый солдат казался живым символом энергичной Республики, за которую он сражался: суровое лицо, синий мундир с красными обтрепанными отворотами, почернелые эполеты, сползавшие на спину, – все так ясно рисовало ее нужду и ее нравственный облик.

Красивая осанка и манеры юноши не ускользнули от взгляда Юло, и он крикнул, пытаясь пробиться к нему:

– Эй ты! оперный плясун, подходи! Я тебя искрошу!

Вождь роялистов, разгневанный таким окриком, бесстрашно бросился к Юло, но как только его люди увидели, что он рискует жизнью, все они ринулись на синих. Вдруг над шумом сражения поднялся нежный и чистый голос:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

«В один из первых дней VIII года, в начале вандемьера...» – Вандемьер – «месяц сбора винограда» – первый месяц французского революционного календаря. Первым днем нового летосчисления считалось 22 сентября 1792 г., день провозглашения Первой Французской республики. По этому календарю год делился на 12 месяцев, в каждом месяце было 30 дней, что составляло 360 дней; оставшиеся вне месяца дни назывались «дополнительные дни» такого-то года. Вторым месяцем был упоминаемый в тексте романа брюмер («месяц туманов»). Названный там мессидор («месяц жатвы») был десятым месяцем нового календаря. В 1806 г. республиканский календарь был упразднен.

2

Директория – правительство Французской республики в составе пяти «директоров»; оно представляло интересы крупной буржуазии, разбогатевшей на спекуляциях. Директория просуществовала с конца 1795 г. по 9 ноября 1799 г. (18 брюмера), когда возвратившийся из египетского похода Наполеон совершил государственный переворот и установил режим военной диктатуры.

3

«...потребовала у двух национальных собраний...» – точнее, у двух палат, из которых состоял Законодательный корпус в годы Директории: Совет Пятисот и Совет Старейшин.

4

Любители искусства (ит.).

5

Братья Котро. – Один из них Жан, прозванный Шуан (то есть Сова, по его характерному свисту-сигналу, отсюда – «шуаны»), был предводителем вандейских контрреволюционных банд. Он поднял мятеж против Республики в конце 1793 г. и был убит в 1794 г. Ко времени действия «Шуанов» в живых остался лишь один из братьев Котро.

6

«Революция, смягчившаяся после 9 термидора...» – то есть после 27 июля 1794 г., когда были свергнуты якобинцы. В действительности, смягчился террор против врагов Республики, якобинцы же подверглись жесточайшим преследованиям.

7

«Республика, покинутая молодым Бонапартом...» – Бонапарт предпринял поход в Египет, но бросил армию и возвратился в октябре 1799 г. в Париж, когда узнал о создавшихся к концу 1799 г. благоприятных условиях для свержения Директории.

8

«...в парижской лавочке разгром». – Юло называет «лавочкой» правительство Директории, к которому французский народ относился с презрением.

9

«Эти пентархи...» – Пентархия (греч.) – «пятивластие» (членов Директории было пять).

10

«...Питт и принцы...» – Питт Вильям-младший (1759–1806) – английский премьер-министр, вдохновитель и организатор войн против революционной, а потом и против наполеоновской Франции. Принцы – это Бурбоны: граф д'Артуа, граф Прованский (провозглашенный королем Франции под именем Людовика XVIII, но вступивший на трон только в 1814 г.) и принц Конде, возглавлявший контрреволюционный эмигрантский сброд еще в 1789–1792 гг. в Кобленце.

11

Жемапп – бельгийская деревушка, возле которой 6 ноября 1792 г. молодая армия Первой Французской республики разбила австрийскую армию.

12

«Вся Европа против нас...» – Речь идет о второй коалиции, объединившей в 1798 г. Англию, Австрию, Россию и некоторые другие страны.

Купить: <https://tellnovel.com/onore-balzak/shuany-ili-bretan-v-1799-godu-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)